

Т. А. Гридина, Н. А. Коновалова
Екатеринбург, Россия

ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы этноидентичности в свете особенностей современной социокультурной ситуации, в которой этническая самоидентификация становится одним из определяющих факторов позиционирования личности в поликультурном диалоге с представителями других национальностей. Характеризуются такие этнотенденции, как этнодоминантность, этноконформизм, этноцентризм и этнорелятивизм.

Экспериментальным путем определяется возможность выявления этнотенденций, связанных с отношением личности и групп социума к представителям различных национальных и этнических групп. Фиксируется «подвижность» стереотипных представлений социума в зависимости от изменяющегося общественно-политического дискурса. Разработанная экспериментальная серия включает, кроме процедур социолингвистического опроса, использование психолингвистических методик, обнаруживающих рефлексию монолингвов и инофонов относительно векторов этнической самоидентификации. В сопоставительном плане исследуется динамика использования инофонами русского языка (доминирующего в обследуемом регионе) в период с 2000 по 2016 г. Выявлена тенденция к сокращению общения инофонов на русском языке в неофициальной (естественной) коммуникации. Охарактеризованы факторы выбора значимых для респондентов параметров этнической самоидентификации. Современный социокультурный контекст демонстрирует два разнонаправленных вектора взаимодействия этносов в поликультурном пространстве: с одной стороны, это потребность во взаимопонимании представителей разных контактирующих лингвокультур в многоязычном регионе; с другой стороны, это потребность личности как представителя конкретного этноса в национальной самоидентификации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: : этническая идентичность; этнические стереотипы; социокультурная среда; социолингвистика; этническая самоидентификация; межкультурные коммуникации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 281; e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор, кафедра общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 281; e-mail: sakralist@mail.ru.

В условиях межкультурной коммуникации, когда этническая самоидентификация становится одним из определяющих факторов позиционирования личности в поликультурном диалоге с представителями других национальностей, исследование этнотенденций языкового сознания приобретает особую актуальность. В современном социокультурном пространстве не осталось, по видимому, ни одного региона, где бы существовала эндогlossная языковая ситуация. Активные миграционные процессы приводят к тому, что в одном микросоциуме оказываются представители самых разных лингвокультур.

Этническая самоидентификация во многом определяется стереотипами, содержательно и ценностно маркированными у членов соответствующей социальной общности. Достаточно распространены, например, этноязыковые стереотипы. В частности, в восприятии и описании представителей разных национальностей обязательными атрибутами их характеристики являются типичные для соответствующего этноса особенности поведения и язык (например, утрированный акцент, выдающий национальность говорящего).

В плане наблюдений над этнической самоидентификацией интересны и данные экспериментальных исследований, выявляющие этнотенденции, связанные с отношением личности (и соответствующих групп

социума) к представителям различных национальных и этнических групп. В качестве таких этнотенденций в социолингвистике принято выделять *этноцентризм*, *этнорелятивизм*, *этнодоминантность* и *этноконформизм*.

Так, в эксперименте, поставленном С. Д. Гуриевой и Т. А. Кинунен, респондентам (мигрантам-финнам) предлагалось нарисовать «планету» в виде круга и «расселить» на ней восемь национальностей, включая собственную. Каждой из этнотенденций была поставлена в соответствие определенная модель «расселения»: «А. Если в центре изображения планеты располагаются представители национальности респондента, это свидетельствует об этноцентризме (стратегия восприятия норм, ценностей собственной группы как образца, эталона, относительно которого оцениваются другие культуры).

Б. Если все национальности распределены равномерно, планета поделена на равные сектора, это свидетельствует об этнорелятивизме (осознании того, что все культуры равны).

В. Если в верхней части планеты располагается национальность, к которой респондент относит себя, а остальные национальности располагаются ниже, это свидетельствует об <...> этнодоминантности (тенденции к подчинению, подавлению представителей других культур).

Г. Если национальность респондента расположена в нижней части планеты, это свидетельствует о тенденции к этноконформизму (готовности подчиниться большинству, принять нормы другой культуры)» [Гуриева, Кинунен 2006: 98].

В 2010 году (см.: [Гридина Коновалова 2010: 43—47]) нами был проведен аналогичный эксперимент в Екатеринбурге среди студентов, школьников и преподавателей вуза (всего опрошено 119 человек), представителей разных национальностей (в том числе 27 билингвов). Обработка результатов эксперимента подтвердила наличие всех четырех этнотенденций в обследованной группе респондентов. При этом можно отметить, что примерно в равных соотношениях были представлены три этнотенденции: этноцентризм, этнодоминантность и этнорелятивизм. Результаты подобного эксперимента, проведенного в 2016 году, выявили явное преобладание по всем выборкам респондентов тенденции к этнодоминантности, что, по видимому, косвенно отражает реалии современной геополитики.

Полученные данные представляют также несомненный интерес и для обнаружения этностереотипов как фактора социальной самоидентификации личности.

В этом плане показателен уже сам выбор респондентами национальностей из числа возможных (никаких ограничений в эксперименте на этот счет не вводилось). Среди самых популярных восьми национальностей (по степени убывания частоты их выбора) оказались следующие: русские (75); немцы (41); французы (40); англичане (39); китайцы (38); татары (37); украинцы (30); японцы (30); итальянцы (28); испанцы (23); башкиры (22); белорусы (13); евреи (11); удмурты (10); узбеки (9); азербайджанцы (7); коми /коми-пермяки (7); турки (7); армяне (6); марийцы (6); поляки (6); финны (6); греки (5); индийцы/индусы (5); таджики (5); бразильцы (4); цыгане (4); голландцы (3); грузины (3); казахи (3); корейцы (3); монголы (3); чукчи (3); якуты (3); арабы (2); африканцы (2); буряты (2); литовцы (2); португальцы (2); румыны (2); словенцы (2); чехи (2); чувашаи (2); единичные фиксации — вьетнамцы; дагестанцы, ирландцы, коряки, мексиканцы, молдаване, мордвина, норвежцы, словаки, ханты-манси, шведы, эфиопы.

Предпочтения в выборе этих национальностей объясняются, на наш взгляд, следующими факторами:

1) подавляющую часть испытуемых составили русские (а по условиям эксперимента представитель той или иной национальности должен был сначала обозначить себя);

2) языковой фактор (выбираются нации, титульный язык которых используется как наиболее популярное средство межнационального общения — английский, немецкий, французский);

3) распространенность языка того или иного автохтонного этноса в обследуемом регионе: например, татарский, башкирский и др. языки для Уральского региона;

4) знание о контактирующих этносах, населяющих регион. Например, коми-пермяки, марийцы, мордва, чувашаи и т. п. на территории Урала;

5) численность наций и их активность в современном геополитическом пространстве (например, китайцы, японцы);

6) социокультурные и геополитические реалии современности, в частности, наличие такого явления, как миграция населения из южных республик на территорию Урала (таджики, армяне, узбеки, азербайджанцы, грузины, дагестанцы и др.).

Заметим, что в целом ряде случаев вместо названия этноса указывается обозначение людей по месту их проживания: американцы (16); жители Великобритании (1) — наряду с англичанами; египтяне (2); канадцы (2); афро-американцы и негры; зимбабвийцы; кубинцы (1); марокканцы; филиппинцы; финно-угорцы (= финно-угры) — как национальность воспринимается название народов, принадлежащих к единой языковой группе; чилийцы; швейцарцы (= швейцарцы). В одном случае в качестве национальности приводится даже название общности по вероисповеданию (мусульмане).

С целью снижения исследовательской субъективности в интерпретации результатов и большей репрезентативности полученных наблюдений над этностереотипами в плане их влияния на социальную самоидентификацию личности на втором этапе эксперимента мы попросили респондентов после «заселения планеты» написать небольшие объяснительные комментарии. Предлагалось ответить на несколько вопросов, позволяющих выявить рефлексию респондентов над собственными ответами:

1. Почему были выбраны соответствующие этносы?

2. Каким образом происходил отбор восьми этносов из множества возможных?

3. Почему именно таким образом расположены этносы относительно друг друга?

4. По какому принципу вами «заселялась планета»?

Такого рода комментарии, на наш взгляд, дают возможность эксплицировать скрытые от непосредственного наблюдения представления о межэтнических отноше-

ях, формируемые современным политическим дискурсом.

Отметим (с учетом представленных респондентами комментариев) некоторые ассоциативные связки в выборе и последовательности ранжирования национальностей: как «парные» (комплексные) часто приводятся следующие названия наций, национальностей, народов (*испанцы + итальянцы; татары + башкиры; китайцы + японцы; русские + украинцы + белорусы* и некоторые др.: *буряты + удмурты; ханты + манси*, ср., в частности, полученное в эксперименте наименование национальности сложным словом *ханты-манси*).

Изменившийся с 2010 года политический дискурс нашел конкретное отражение как в составе «расселенных» на планете этносов, так и в комментариях по поводу оснований отбора национальностей и принципов заселения планеты. Так, если в 2010 году украинцев назвало меньше половины испытуемых (38,4 %), то в 2016 году — 94 % (ср. комментарии такого рода: *сейчас все говорят об Украине // друзья (родственники) живут на Украине // восточные славяне // братские народы // на Украине война, надо помочь // жалко украинцев* и т. п.). На 13 % увеличилось число респондентов, включивших в свою модель заселения белорусов (*люблю белорусов // там Батяка правильный // свои славяне* и т. п.). На 27 % увеличилось количество участников эксперимента,

включивших в свою модель заселения планеты немцев. Показательны в плане отражения в них современного политического дискурса комментарии такого рода: *немцы — доноры Евросоюза; все мигранты стремятся в Германию; немцы самые влиятельные (богатые) в Европе* и т. п.

Несомненное подтверждение нашла моделируемая (чаще имплицитно) современными российскими СМИ идея активизации отношений с восточными «соседями», например, с Китаем: количество респондентов, «поселивших» на «своей» планете китайцев, увеличилось с 48,7 % до 69,3 %. Ср. соответствующие комментарии: *китайцев много, они все могут // на полюсе китайцы, потому что они хоть где получают большой урожай // чайна-тауны по всему миру, поэтому я китайцев написал везде* (на круге изображены точечные расселения китайцев в разных местах); *я был (хочу побывать) в Китае // потому что я учу китайский // я хочу работать в российско-китайской фирме // китайцы — это перспективно* и т. п.

См. сопоставительные данные по выбору этносов в таблице 1 (в таблице приведены перечни этносов (первые одиннадцать самых «популярных» этнонимов), выбранных испытуемыми «для заселения своей планеты», ранжированных по убыванию индекса частотности):

Таблица 1. Частотность этнонимов

Данные опроса 2010 г.	Данные опроса 2016 г.
Русские	Русские
Немцы	Китайцы
Французы	Немцы
Англичане	Украинцы
Китайцы	Американцы
Татары	Татары
Украинцы	Таджики
Японцы	Англичане
Башкиры	Азербайджанцы
Американцы	Казахи
Белорусы	Киргизы

Этническая идентичность, соотносимая с делением на «своих и чужих» по национальной принадлежности, часто, но далеко не всегда коррелирует с реальными установками личности в выборе соответствующих конкретной этнокультуре приоритетов. В частности, отмечается, что «этническая идентичность, в отличие от этничности, активно конструируется индивидом на основе аскриптивной, предписываемой обществом этничности, но не сводится (к ней) и может не совпадать с ней» [Сте-

фаненко 1999].

Справедливость этого тезиса можно проиллюстрировать примером выбора языка общения билингвами. Он осуществляется с учетом ряда факторов (социальных, психологических, культурных и т. п.). К ним можно отнести:

а) приоритетность одного из языков, которыми владеет говорящий, как родного или неродного; при этом далеко не всегда совпадают понятия «родной» и «материнский» языки (материнским в социолингвистике

называется язык, освоенный ребенком в первые два-три года жизни);

б) престижность языка в той социальной среде (макро- и микросоциуме), где он используется;

в) уместность использования одного из языков в конкретных коммуникативных ситуациях (среди «своих» или среди «чужих»; в официальной и неофициальной обстановке; в повседневном бытовом общении или профессиональной сфере и т. д.);

г) численность представителей конкретной диаспоры (сейчас это принято называть национально-культурными автономиями) в

обследуемом регионе и соответственно наличие / отсутствие условий для сохранения (культивирования) национальных традиций (например, наличие как минимум воскресных школ с преподаванием на языках национальных меньшинств).

В сопоставительном плане показательны данные проведенного нами в 2010-м и в 2016-м годах социолингвистического опроса билингвов — учащихся средних образовательных учреждений, детей мигрантов, переселившихся из бывших республик СССР в г. Екатеринбург.

Приведем некоторые примеры (см. табл. 2).

Таблица 2. Ответы билингвов (2010 и 2016 гг.), %

Вопрос и ответы	Год	
	2010	2016
На каком языке вы разговариваете со своими близкими дома?		
– на своем родном языке	34	68
– на русском	19	14
– на родном и русском	44	18
...со сверстниками своей национальности?		
– на родном языке	25	62
– на русском	25	14
– на родном и русском	50	24

Таким образом, можно говорить о наметившейся тенденции к сокращению (ограничению) общения в естественных ситуациях (вне школы: в быту, в неофициальной коммуникации) на русском языке и стремлению шире использовать родной язык в случаях, когда выбор языка общения ничем не регламентируется. Возможно, это связано с увеличившимися новыми миграционными потоками, когда целые семьи нового поколения мигрантов не владеют языком принимающей страны. Это принципиально отличает коммуникативную ситуацию от той, которая складывалась во время предыдущей миграционной волны на постсоветском пространстве, когда инофоны приезжали в страну,

где уже в течение продолжительного времени жили мигранты старшего поколения, освоившие русский язык (или знавшие его, так как во всех республиках СССР велось обучение на двух языках). Существование основательных национальных диаспор (национально-культурных автономий) в регионах способствовало более успешному овладению вновь прибывшими инофонами русским языком и (как следствие) их более комфортной социокультурной адаптации. См., например, данные, приведенные для сравнения, в диаграмме, сформированной на основе статистики Управления образования по г. Екатеринбургу и Свердловской области (рис.).

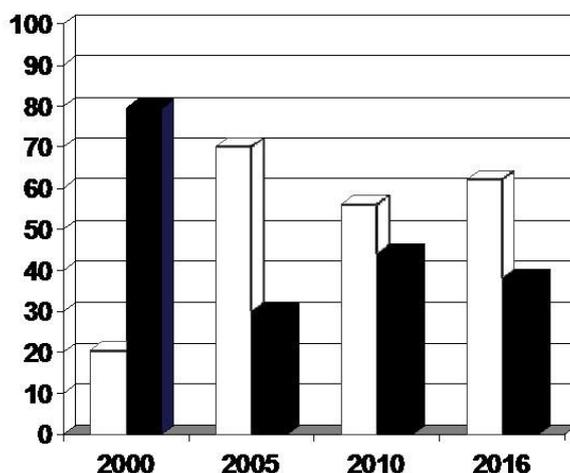

Рис. Тенденция к сокращению (ограничению) общения в неофициальной коммуникации на русском языке (□ — инофоны школьного возраста, не владеющие русским языком; ■ — инофоны, удовлетворительно владеющие русским языком)

владеющие русским языком)

Анализ факторов, определяющих выбор значимых для респондентов лингвокультур и восприятия норм, ценностей собственного этноса как образца, эталона, относительно которого оцениваются другие культуры, показал, что если, согласно опросу 2010 г., к таким факторам в основном относилось контактирование этносов и их генетическая близость (родство) или генетическая удаленность, то, согласно опросу 2016 г., произошло выдвигание на первый план других показателей. К ним относятся:

а) ориентация на развитие отношений (изучение языка, межкультурные контакты, в том числе — перспективы профессионального плана); это касается, прежде всего, студентов-инофонов из Китая, обучающихся русскому языку для получения престижной профессии как в России, так и у себя на родине;

б) в последние годы увеличилось число мигрантов из трансграничных регионов, расматривающих Урал и Россию в целом как временное место проживания и работы, что снижает их мотивацию к использованию русского языка в разных видах речевой деятельности и сферах общения (это касается в основном детей мигрантов из республик Средней Азии, которые лишь на время погружаются в иноязычную / инокультурную среду, не успевая за короткие сроки овладеть даже необходимым для обучения на русском языке лексическим и грамматическим минимумом); язык доминирующего (принимающего) этноса расценивается как чужой, «необязательный», исключенный из личностной сферы инофона;

в) количественная представленность этноса;

г) авторитетность этноса (и шире — народа, жителей государства), которая чаще оценивается как его доминирование на международной арене.

Современный социокультурный контекст демонстрирует две разнонаправленные тенденции взаимодействия этносов в поликультурном пространстве: с одной стороны, это потребность во взаимопонимании представителей разных контактирующих лингвокультур в многоязычном регионе; с другой стороны, это потребность личности как

представителя конкретного этноса в национальной самоидентификации. Таким образом, динамика этнической самоидентификации — своего рода «индикатор», обнаруживающий основные векторы развития геополитических процессов в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулова М. Е., Матвеева Г. Г. Особенности речевого поведения носителей молодежного мультиэтнолекта Kiezdeutsch (прагмалингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 136—143.
2. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917—2000. Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. — М., 2000.
3. Алферов А. В., Попова Г. Е., Червоный А. М. Языки в политическом пространстве современной Европы и в Европарламенте // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 10—17.
4. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие. — СПб., 2004.
5. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Вербальная этноагрессия на стадионах // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 152—156.
6. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Этнические ярлыки в речи детей и подростков англоязычного мира // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 156—161.
7. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Этнические стереотипы в свете социальной самоидентификации личности // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (13—17 сент. 2010 г.). — Екатеринбург, 2010. С. 43—47.
8. Гуриева С. Д., Кинунен Т. А. Социально-психологические особенности миграционного поведения // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 97—105.
9. Исакова Е. А., Михайлова О. А. Конструирование образа Другого в медиарепортаже (на примере персонажа «полицейские») // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 92—97.
10. Карабулатова И. С., Поливарова З. В. Этнопсихоллингвокоррекционный подход к процессу усвоения лексико-грамматических категорий русского языка у татар-билингвов старшего дошкольного возраста, имеющих речевые дисфункции // Специальное образование. 2011. № 4. С. 27—34.
11. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М., 2002.
12. Качмазова А. У., Тамерьян Т. Ю. Когнитивные механизмы этностереотипизации «своих» и «чужих» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 298—305.
13. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. — М. : Гнозис, 2002. 284 с.
14. Лихачева Е. В. Билингвизм как условие успешной самореализации личности в современном мире коммуникаций // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 155—158.
15. Маклашова Е. Г. Дискурс этничности в правовом поле национального субъекта Федерации (на материале Республики Саха (Якутия)) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 153—156.
16. Стефаненко Т. Г. Социальная психология этнической идентичности : дис. ... д-ра психол. наук. — М. : МГУ, 1999.

T. A. Gridina, N. I. Konovalova
Ekaterinburg, Russia

ETHNIC SELF-IDENTIFICATION IN CONTEMPORARY SOCIO-CULTURAL CONTEXT

ABSTRACT. The paper discusses the issues of self-identification in the light of contemporary socio-cultural context, in which ethnic self-identification is one of the key factors of a person's self-presentation in polycultural dialogue with the other nations. Such ethno-tendencies as ethnic dominance, ethnic conformism, ethno-centrism and ethnic relativity are characterized.

The possibility to single out ethnic tendencies connected with the relations between a person or social groups and the members of the other national or ethnic groups is proved experimentally. We found out that the stereotypes that exist in the society are changeable and depend on the socio-political discourse. The experimental series includes socio-linguistic survey and psycholinguistic methods, which help to reveal reflexion of monolinguals and inofon-students (students who have another mother tongue) related to ethnic self-identification. The dynamics of speaking Russian (the dominant language in the region of the experiment) by inofon-students in 2000–2016 is compared. The

experiment revealed the drop of frequency of speaking Russian by inofon-students in unofficial (everyday) communication. The factors that determine the choice of parameters for ethnic self-identification are listed. Contemporary socio-cultural context is characterized by two different vectors of relations between ethnic groups in polycultural environment: on the one hand it is the need for mutual understanding of the members of different linguo-cultures in multilingual region; on the other hand it is the need for self-identification of a person from another ethnic group.

KEYWORDS: ethnic identity; ethnic stereotypes; sociocultural space; sociolinguistics; ethnic self-identification; intercultural communication.

ABOUT THE AUTHOR: Gridina Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Linguistics and Russian, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Konovalova Nadezhda Ilinichna, Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics and Russian, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Akulova M. E., Matveeva G. G. Osobennosti rechevogo povedeniya nositeley molodezhnogo multietnolekta Kiezdeutsch (pragmalingvisticheskiy aspekt) // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 136—143.
2. Alpatov V. M. 150 yazykov i politika. 1917—2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva. — M., 2000.
3. Alferov A. V., Popova G. E., Chervonyy A. M. Yazyki v politicheskom prostranstve sovremennoy Evropy i v Evroparlamente // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). S. 10—17.
4. Vakhtin N. B., Golovko E. V. Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka : ucheb. posobie. — SPb., 2004.
5. Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Yu. Verbal'naya etnoagressiya na stadionakh // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 152—156.
6. Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Yu. Etnicheskie yarlyki v rechi detey i podrostkov angloyazychnogo mira // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 156—161.
7. Gridina T. A., Konovalova N. I. Etnicheskie stereotipy v svete sotsial'noy samoidentifikatsii lichnosti // Obraz Rossii v zarubezhnom politicheskom diskurse: stereotipy, mify i metafory : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (13—17 sent. 2010 g.). — Ekaterinburg, 2010. S. 43—47.
8. Gurieva S. D., Kinunen T. A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti migratsionnogo povedeniya // Voprosy psikhologii. 2006. № 6. S. 97—105.
9. Isakova E. A., Mikhaylova O. A. Konstruirovaniye obraza Drugogo v mediareportazhe (na primere personazha «politseyskie») // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 92—97.
10. Karabatova I. S., Polivara Z. V. Etnopsikholingvokorreksionnyy podkhod k protsessu usvoeniya leksikogrammaticheskikh kategoriy russkogo yazyka u tatar-bilingvov starshego doskol'nogo vozrasta, imeyushchikh rechevye disfunktsii // Spetsial'noe obrazovanie. 2011. № 4. S. 27—34.
11. Karasik V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa. — M., 2002.
12. Kachmazova A. U., Tamer'yan T. Yu. Kognitivnye mekhanizmy etnostereotipizatsii «svoikh» i «chuzhikh» // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 298—305.
13. Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya : kurs lektsiy. — M. : Gnozis, 2002. 284 s.
14. Likhacheva E. V. Bilingvizm kak uslovie uspeshnoy samo-realizatsii lichnosti v sovremennom mire kommunikatsiy // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 4. S. 155—158.
15. Maklashova E. G. Diskurs etnichnosti v pravovom pole natsional'nogo sub'ekta Federatsii (na materiale Respubliki Sakha (Yakutii)) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 153—156.
16. Stefanenko T. G. Sotsial'naya psikhologiya etnicheskoy identichnosti : dis. ... d-ra psikhol. nauk. — M. : MGU, 1999.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.